

Людмила Ермакова

«Лист красной бумаги под стеклом...»

(Епископ Мацеевский, псалмы Давида и японская каллиграфия XVIв.)

«Начало сего учинено от Японы, с восточной стороны Российскому государству прилежащего славнаго острова».

«*Описание о Японы*», Санкт-Петербург, 1734 г.

Отправной точкой настоящего исследования послужили отнюдь не размышления автора об исторической антропологии или истории повседневности. Более того, практически все, о чем здесь говорится, выходит за привычные для автора рамки профессиональных интересов, ранее вполне уместившихся в области японской литературы и поэтики на самом их начальном этапе, а также мифа и ритуала того же периода. В истории же, которая будет рассказана ниже, участвуют личности, жившие гораздо позднее – в XVI в. Это не только японцы, среди них – папа Григорий XIII, японский сёгун Ода Нобунага, польский епископ Бернанд Мацеевский и прочие, не вполне, казалось бы, сопрягаемые между собой исторические персонажи.

Начало этой истории положил нечаянный случай – обнаружение небольшой полоски бумаги с неровными краями. Однако находка эта довольно скоро привела автора на уровень чуть ли не макроисторический, при этом потребовав обзора обширного географического пространства, и даже позволила обнаружить ценный предмет искусства, более четырех

веков пролежавший в полном забвении.

Однако стоит, вероятно, отказаться от профессионального филологического соблазна – лавирования «между фабулой и сюжетом». Ради связности рассказа попытаемся, хотя бы в самом начале нашего повествования, изложить события в той последовательности, в которой они разворачивались «на самом деле».

Итак, кратко об обстоятельствах находки. В феврале 2000 г. автор данной статьи (во избежание синтаксических осложнений именуемый в дальнейшем «я»), побывал в путешествии на островах Амакуса – это цепь мелких островов, тянущихся вдоль западного побережья Кюсю. Острова эти с XVI в. известны тем, что здесь были особенно сильны позиции христианских миссионеров, немало потрудившихся во имя распространения в Японии христианства, удержавшегося на островах несколько десятков лет с середины XVI до начала XVII в. и драматически прерванного гонениями и казнями (новое пришествие христианства в Японию оказалось возможным лишь после наступления так называемой реставрации Мэйдзи в конце XIX в.).

Моя поездка по островам Амакуса предполагала, в частности, посещение небольшого музея, организованного лет 12 назад. Музей этот именовался «Амакуса Колледжио-кан», поскольку на островах Амакуса в XVI в. находилось учебное заведение под названием Коллегия – одна из трех устроенных иезуитами коллегий, где японцам преподавали Священное Писание и латынь и где был устроен печатный двор. С точностью до метра местонахождение этой коллегии неизвестно, но музей, ей посвященный,

возводили на основе исторических свидетельств, т. е., во всяком случае, где-то неподалеку от настоящего места.

И вот, среди экспонатов музея я увидела под стеклом раскрытую старинную книгу – это было сочинение итальянца Гвидо Гвалтьери издания 1586 г. «Реляции о прибытии японских послов в Рим вплоть до их отплытия из Лиссабона»¹. Книга была посвящена большому событию, прогремевшему в 1585 г. по всей Западной Европе, – торжественному прибытию в Ватикан, к папе Григорию XIII японских посланцев, – первой в истории японской миссии в Европу.

Рядом с книгой Гвалтьери лежала узкая полоска бумаги с текстом, через стекло плохо различимым, написанным от руки и почему-то на польском языке. Удивившись, я спросила у экскурсовода, откуда взялась эта записка и каково ее назначение – ведь встретить в японской провинции текст, написанный от руки по-польски – само по себе диковинно. Выяснилось, что при основании музея его организаторы увидели книгу Гвалтьери в каталоге одного букинистического магазина в Токио и решили приобрести ее для музея. Когда же эта редкая и драгоценная книга прибыла в музей, то между ее пергаментной обложкой и фронтисписом была обнаружена эта самая бумажка. На каком языке она написана, никто в музее особенно не разобрался, но и выбросить ее тоже как-то не решились, подумав, что записка, быть может, имеет какое-то отношение к самой книге Гвалтьери. В общем, ее положили рядом с книгой, время от времени убирали в шкаф, потом снова выкладывали.

Я взялась прочитать и перевести для музея этот польский текст и

получила его в руки. Как оказалось, записка гласила: «Японский перевод двух цитат из Священного Писания, написанный по просьбе Бернарда Мацеевского, королевского посланника при апостолической столице, японскими послами к папе Григорию XIII, в Риме 1585 г.; подарил его “Краковской Академии в знак великой своей милости” тот же Бернад Мацеевский, епископ Луцкий в 1599 г.».

Сначала эта записка не вызвала у меня особого удивления. По ее стилю можно было предположить, что она представляет собой что-то вроде каталожной карточки или подписи к музейному экспонату. Из текста следовало, что высокопоставленные японские послы и польский представитель Бернад Мацеевский в 1585 г. оказались в Риме одновременно, и вот, польский епископ, как можно заключить из текста, попросил японцев перевести на их экзотический язык два места из Библии. Понятно почему – и сами по себе японцы, внезапно и впервые появившиеся в Европе, и их язык вызывали тогда всеобщий горячий интерес. И, соответственно, записка эта – пояснение к какой-то вещи (большой рукописи? листу бумаги?), представляющей собой или содержащей этот самый перевод наряду с другими текстами.

История японского христианства была мне, как японоведа, известна, но лишь в самых общих чертах. Я, естественно, предположила, что имею дело со вполне известным в истории Японии эпизодом. Все же, внезапно почувствовав что-то вроде *го-эн* – выражаясь по-японски, собственной «кармической связи» с ситуацией, а проще говоря, поддавшись академическому любопытству, я решила посмотреть исторические

исследования об этом первом официальном выходе японцев в европейский мир и об их встрече с посланником польского короля.

Довольно скоро я поняла, что несмотря на огромный объем публикаций на эту тему в Японии, количество исторических фактов, известных специалистам, достаточно ограничено. Более того, вскоре выяснилось, что о встрече японцев с поляком – очевидно, первом в истории контакте представителей этих двух культур, – никому не известно; никто из историков не слышал также и о существовании переводов из Библии на японский язык, сделанных по просьбе польского епископа непосредственно в Ватикане членами японской миссии.

Я осознала, что найденная записка-памятка – немаловажный документ, сообщающий о неизвестном доселе факте. Однако сама по себе эта полоска бумаги неизвестного происхождения не могла, разумеется, служить достоверным свидетельством факта и этой встречи, и существования японского перевода двух мест из Священного Писания. Вот если бы каким-то образом где-нибудь отыскался тот самый перевод XVI в.... У меня было чувство, что мне в руки попал обрывок карты острова с крестиком и надписью «копай здесь», только было не очень понятно, в каких морях искать этот остров сокровищ. Неизвестно было также, сохранился ли сам клад – ведь с момента той гипотетической японско-польской встречи прошло более четырехсот лет.

Забегая вперед, скажу, что, как это ни удивительно, поиски документа всего через полтора года после обнаружения польской записки в японском музее завершились его обретением – в серебряной застекленной рамке с

вензелями и выгравированной на обороте пояснительной надписью. О почти детективной истории его поисков я собираюсь рассказать ниже. Но прежде я хотела бы обратиться к историческим обстоятельствам появления столь любопытного документа и к персонажам, причастным к его созданию и представляющим такие разные культурные зоны, как Япония, Ватикан и Речь Посполитая.

Япония XVI века. Христианская драма

В 1549 г., как гласит история, в Японию прибыл первый миссионер-иезуит Франциск Ксаверий (Ксавериус, Ксавьер, Ксавье, 1506-1552), и развернутая им деятельность довольно быстро увенчалась значительными успехами. Успехи эти можно объяснять разными факторами – и религиозного, и политического, и экономического характера.

Ксаверий родился в Наварре, в краю басков, и происходил из аристократического рода. Он учился в Парижском университете, где встретился с Игнатием Лойолой, основателем Ордена иезуитов, и стал одним из его последователей. В 1541 г. он был послан в Индию, а в 1547 г. в Малакке встретил японца по имени Ядзиро и крестил его. Еще до этого он слышал, что в стране под названием Япония много смысленых людей, и решил, что стать первым японским миссионером – его предназначение. В 1549 г. он вместе с Ядзиро прибыл в Японию, в Кагосиму, на юг Кюсю и развернул там миссионерскую деятельность. Умер Ксаверий в Китае, его тело затем было привезено в Индию, в Гоа, помещено в одну из

католических церквей, где находится и до сих пор. Он был канонизирован в 1622 г., одновременно с Игнатием Лойолой.

Немалую роль в успешном и очень быстром распространении христианства в Японии, видимо, сыграли сама личность Ксаверия и ревностное служение его спутников. Ксаверий пробыл в Японии всего два с небольшим года, но за это время встречался и со знатными людьми, и с буддийскими священнослужителями, обращал простых японцев, с помощью одного из новообращенных создал небольшой катехизис на японском языке. Когда он покидал Японию (с намерением вскоре вернуться, чему однако не суждено было сбыться), там насчитывалось уже примерно две тысячи обращенных – видимо, скорее, благодаря силе и обаянию личности Ксаверия, нежели благодаря его красноречию – японским языком он овладел в очень небольшой степени. Его последователи-миссионеры освоили по его настоянию японский язык, организовали учебные заведения и печатни, внесли в японскую культуру множество новаций и вне религиозной сферы.

Среди наиболее известных имен миссионеров того времени назовем, например, португальца Луиса Фройса (1532-1597), прибывшего в Японию в 1563 г., неоднократно встречавшегося с тогдашним сёгуном Ода Нобунага, которому португалец пришелся по душе. Фройс прожил в Японии 35 лет, здесь и окончил свой путь, в одном монастыре в Нагасаки. Сохранились его труды, посвященные истории Японии, ее обычаям и нравам, свидетельствующие в том числе и о многих его заслугах и о его участии в социально-политической и культурной жизни Японии тех лет².

В высшей степени любопытной представляется одна из ранних книг Фройса, написанная в 1585 г. – рукопись ее на португальском языке³, выполненная на узорчатой японской бумаге и уже изрядно изъеденная насекомыми, была обнаружена в Мадридской Biblioteca de la Historia священником Йозефом-Францем фон Шютте в 1946 г. и впервые издана в Токио в 1955 г. Структура книги, можно сказать, предвосхищает культурологическую стратегию западного японоведения XX в., предложенную впервые Рут Бенедикт в ее книге «Хризантема и меч» – вся она состоит из пар противопоставлений, например: «У нас обычно сверху надевают что получше, а уже под низ – что похуже. Японские же сеньоры – что получше, надевают вниз, а сверху – что похуже». «Мы изо всех сил стараемся выровнять древесину для построек, японцы же нарочно привешивают к ветви камень, чтобы придать ей кривизну». «У нас приглашенный благодарит пригласившего, у японцев же пригласивший - приглашенного» – и так все четырнадцать глав без каких бы то ни было отвлечений на другие синтаксические типы предложений или стили высказывания⁴.

Помимо Фройса, осталось в истории также имя Луиса де Армейда (1525-1583), уроженца Лиссабона, выходца из семьи евреев-купцов, в молодости изучавшего медицину. В Орден иезуитов он вступил в Индии и в Японию приехал в 1552 г. Затем были Франсиско Кабраль (1533-1609), португалец, вступивший в Орден в Гоа и добравшийся до Японии в 1570г., итальянец Органтино (1533-1609), также прибывший в Японию в 1570 г.

(он стал впоследствии главным героем рассказа Акутагава Рюноске «Усмешка богов»⁵), Космо де Торес, Хуан Фернандес и другие.

Представлю, наконец, еще одну значительную фигуру в истории и одного из непосредственных персонажей нынешнего нашего рассказа, – Алессандро Валиньяно (1539-1605), неаполитанца, окончившего Падуанский университет. Он приезжал в Японию неоднократно: именно он привез в Японию первый печатный станок и обучил японцев обращению с ним, именно он стоял и у истоков первой миссии японских христиан в Европу.

Слухи об успехе деятельности христианских миссионеров в Японии быстро распространились по всей Европе, а впоследствии через западные источники дошли и до России: так, в одной из русских рукописных «Козмографий» первой половины XVII в. писали: «Горожане или жильцы острова, Япан нареченного, суть любовники истинного, или правды, и искатели премудрости, и к наукам охотники. <...> Детей крестят. Ради покаяния постами свое тело иссушают. Так же, как и мы, крестятся [то есть осеняют себя крестным знаменем - Л.Е.] против соблазнов диавольских, и, видно, впредь будут следовать нравам и вере христианской»⁶. В другой «Козмографии» примерно того же периода говорилось: «А есть у них (у японцев – Л.Е.) многие такие места, как у нас академии, то есть книжные училища. В городе Баном есть училище, в том училище разные учения, среди иных учений есть по их языку семинариум езуитское, Бунгинское, там японцы учатся португальскому языку, а португальцы японскому языку;

а также латинскому языку, так и португальскому - великие труды и тщание»⁷.

С новой религией японцы связывали не только надежды на торговлю с Европой и не только новые способы личного спасения. Новая религия была в те времена еще и в большой моде, – иезуиты привезли с собой ряд европейских диковин, научных изобретений, книг, множество обиходных вещей, до тех пор неизвестных японцам, включая, например, одежду европейского покроя, а также табак⁸.

Тогдашний реальный властитель Японии Ода Нобунага⁹ был горячим покровителем миссионеров-христиан, он даже устраивал в Киото нечто вроде богословских диспутов, привлекая к ним христианских миссионеров и буддийских священнослужителей. Есть не вполне достоверные сведения, что и сам он принял крещение и был наречен Эммануилом. Считается, что к 1580 г. в стране насчитывалось сотни две католических церквей и более двухсот тысяч японцев, крещенных в католичество.

Иезуит Алессандро Валиньяно и организация миссии

Итак, в XVI в. Япония оказалась в русле основных тенденций мировой культуры и политики, поскольку в это время и Европа, и многие страны Востока стали, можно сказать, частью глобального проекта иезуитов по распространению христианства в его католическом изводе.

Орден иезуитов, основанный Игнатием Лойолой незадолго до описываемых событий, очень скоро приобрел большое влияние в Европе и

стал опорой движения Контрреформации. Его деятели стремились участвовать в разных сферах светской жизни, в том числе, в большой мере, в управлении государством; при этом одним из главных направлений их трудов стали прозелитизм, воспитание и образование молодежи, тесно связанные с проповедованием и исповедованием на национальных языках.

Орден быстро превратился в большую обучающую организацию. В сущности, именно иезуитам мы обязаны многими чертами господствующей ныне методики образования в широком смысле слова: это они ввели использование педагогических принципов, которые применяются и поныне (например, проставление оценок); они внедряли обучение на национальных языках, чем обогащали лексику и понятийный аппарат последних, они вводили бесплатное народное образование.

Другим направлением их педагогической деятельности было воспитание детей господствующего класса - осуществлялось своего рода выращивание элиты. Все эти принципы воплощались в жизнь одновременно и повсюду, где разворачивалась деятельность иезуитов. В том же XVI веке, когда одна иезуитская миссия устраивала семинарии и коллегии на Кюсю и западе Хонсю, другая параллельно с первой распространяла свое влияние в немецких и польско-литовских землях.

В Японии, как уже было сказано, иезуитами было организовано несколько семинарий и коллегий. Примерно то же самое происходило и в других странах, и не только на Востоке, – например, в Западной России, по распоряжению Ватикана для обучения в учрежденной в 1577 г. в Греции Афанасьевской коллегии, были отобраны несколько мальчиков, «рожденных

в законном браке, воспитанных в греческом [православном] обряде, в возрасте от 12 до 18 лет, хороших наклонностей, понятливых и способных к изучению наук и усвоению знаний, при этом таких, у которых были родные, вследствие чего они охотно бы возвратились в родные места»¹⁰.

В странах Европы иезуитам надо было преодолевать влияние Реформации или православия. Точно так же и в Японии они стремились вытеснить прочие религиозные объединения, монополизировав христианское образование населения и вообще всю сферу миссионерской деятельности. История деятельности иезуитских миссий в Японии XVI в. чрезвычайно интересна, в отечественном же японоведении она отражена лишь в самых общих чертах, однако, к сожалению, здесь нет возможности говорить о ней более подробно. Вернемся к тем фактам, которые имеют непосредственное отношение к находке.

Итак, японское посольство в Ватикан (в Японии этот исторический эпизод именуется «Миссия юношей в Европу эры Тэнсё»), где эра Тэнсё – это период правления императора Го-Ёдзэй, с 1573 до 1592 гг.) стало одним из ярких свидетельств торжества деятельности христианских миссионеров на японской земле. Посольство должно было предстать перед Филиппом II Испанским и перед папой Григорием XIII. Алессандро Валиньяно, по чьей инициативе было затеяно это грандиозное мероприятие, преследовал двойную цель – предъявить Ватикану зримые свидетельства успеха миссии в Японии, дать возможность европейцам повстречаться с японцами, а вместе с тем продемонстрировать японцам величие и мощь христианства в Европе¹¹. Разумеется, с обеих сторон в расчет входили и политические, и

экономические соображения.

Алессандро Валиньяно был направлен в Японию генералом Ордена иезуитов в 1571 г. для проведения ревизии. Его деятельность была обширна и продуктивна: он урегулировал ряд финансовых проблем, укрепил торговлю с Макао, разделил японский диоцез на три. Он способствовал изучению миссионерами японского языка, обычаев и культуры, начал строительство нескольких учебных заведений разных уровней.

Организуя миссию в Европу, Валиньяно заручился содействием троих обращенных в христианство владельцев на Кюсю, где влияние иезуитов было особенно сильным. Эти трое были Оотомо Сорин (в крещении Франциско), Арима Харунобу (Протазио) и Оокура Сумитада (Бартоломео). Были отобраны хорошо подготовленные подростки в возрасте 12-13 лет из числа учеников семинарии в Арима, которых звали Ито Манцио, Тидзива Мигель, и, в качестве их помощников, - Накура Джулиан и Хара Мартино. Первый из названных, Ито Манцио, был внуком владельца Хюга, Ито Ёсискэ, впоследствии, после возвращения из Европы, он прошел курс теологии в Макао, в 1608 г. стал священником, умер в 1612 г. в Нагасаки. Второй, Тидзива Мигель, тоже был из знатной семьи, приходился внуком одному из представителей рода Арима, и состоял также в родстве с родом Оокура. Про третьего, Хара Мартино, известно, что он стал христианином под влиянием обращенного владельца Оокура, учился в Коллегии в Нагасаки, а в 1608 г. стал священником. В 1614 г., став жертвой гонений на христиан, он был выслан в Макао и умер в 1629 г. Четвертый, Накура Джулиан, тоже был последователем Оокура и стал священником

одновременно с Хара. В 1633 г. он принял мученическую казнь в Нагасаки.

Когда Алессандро Валиньяно начал готовить эту долгую и опасную экспедицию, все четверо были еще очень молоды, по современным понятиям – почти дети (помимо иного, чем теперь, отношения к возрасту, вероятно, приходилось брать в расчет неопределенно долгое время плавания по мировому океану – как в будущих дальних космических перелетах). Одного из них ни за что не хотела отпускать мать – одинокая вдова, у которой он к тому же был единственным сыном, однако Валиньяно уверил ее, что задуманная экспедиция будет под божественным покровительством и защитой, а потому с посланцами ничего дурного случиться не может, – и оказался прав.

Четверо юных японских послов добирались до Италии три года. Их корабль вышел из Нагасаки 20 февраля 1582 г., они побывали в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах (Суэцкого канала, разумеется, еще не существовало), заходили по пути в Макао, Гоа, Мозамбик, обогнули всю Африку, миновав Мыс Доброй Надежды, побывали на острове Св. Елены, в Гваделупе, в Мадриде, пересекли по суше Португалию и Испанию. Отплыв затем от Аликанте, 1 марта 1585 г. (по новому, григорианскому календарю) они вошли в итальянский порт Ливорно, после чего, проследовав через Мальорку, Ливорно, Пизу, Тоскану, Флоренцию и Сиену¹², прибыли в Рим с великой пышностью и торжественностью.

Рим, Ватикан

Японские посланцы добрались до Рима 22 марта 1585 г. и остановились в одном из помещений, принадлежащих Ордену иезуитов. На следующий же день они были приняты Григорием XIII. 3 апреля они еще раз нанесли визит папе и поднесли ему великолепную расписную ширму – подарок от самого Ода Нобунага, полководца и объединителя Японии, сочувствовавшего христианству. Папа в ответ также осыпал их подарками и издал буллу, в которой объявлялось, что Япония будет впредь находиться в исключительном ведении Общества Иисусова.

А буквально через неделю - 10 апреля - Григорий XIII скончался. 25 апреля его преемником был избран папа Сикст V, который на следующий же день, 26 апреля дал аудиенцию японцам – что также свидетельствует об огромном значении, которое придавалось японским посланцам в глазах Европы. Главные вехи их пребывания в Риме: 5 мая они присутствовали на торжественной церемонии восхождения нового папы на Апостольский трон. 11 мая на Римском форуме японцы получили право называться почетными гражданами Рима и были приглашены принять участие в заседании городского совета 29 мая. Разумеется, они побывали еще во многих достопамятных местах, совершали паломничества к различным христианским святыням в Риме. Однако в целом их пребывание в городе было не столь уж долгим. 26 мая Сикст V написал ответные письма к владетелям Оотомо, Арима и Оокура и вручил их посланцам, 2 июня они нанесли папе прощальный визит и 3 июня 1585 г. уже покинули Рим¹³. Перед отплытием на родину из Лиссабона они также побывали во многих городах Италии и Испании, среди которых назовем Перуджу, Лорето,

Венецию, Милан, Геную, Барселону.

Известно, что прибытие японских послов стало настоящей сенсацией не только в Ватикане, и не в одном лишь Риме. Венецианский дож при их прибытии в город даже заказал их портреты самому Тинторетто (к сожалению, обнаружить их пока не удалось)¹⁴. По всей Европе разошлась весть об этой миссии, немедленно начали издаваться книги о пребывании японцев в Ватикане, гравироваться их портреты. Историю их визита включали впоследствии во многие описания Японии, вышедшие в Европе в XVI-XVIII в.

В самой Италии вести о прибытии японских послов сначала распространялись в кратких брошюрах-выпусках, характерных для XVI в. и по оперативности напоминающих нынешние газеты. Итальянская исследовательница А. Боскаро, специально занимавшаяся изучением европейских изданий XVI в. о первых японских посланцах, пишет о 78 таких выпусках, причем, как она указывает, 49 из них вышли в свет незамедлительно в том же самом 1585 г.

Первым был, по-видимому, выпуск под названием “*Lettere annale Portata di Novo dal Giapone Da i Signori Ambsciatori Delle cose ivi successe l’anno MDXLXXXII, in Venetia, Appresso I Gioliti. M.D. LXXXV*”, сообщающий о скором прибытии японских послов¹⁵. Вслед за ним во множестве последовали и другие. Многие из них были перепечатками одного из первых изданий, сообщающего о торжественном въезде японцев в Рим 23 марта 1585 г. и вышедшего под названием: «*Acta Consistorii Pvblice Exhibite A.S.D.N. Gregorio Papa XIII. Regvm Iaponiorvm Legatis Romae, Die XXIII.*

Martii. M.D. LXXXV. Ex Avtoritate Superiorvm. Romae, Apud Franciscum Zanettum. M. D.LXXXV». Последующие выпуски добавляли к этому рассказу различные подробности. Например, уже после смерти папы Григория и встречи японцев с его преемником, Сикстом V, в том же 1585 г. вышло издание жанра «Краткая реляция»¹⁶, повествующее не только об обстоятельствах прибытия или аудиенции у Григория XIII, но и о пребывании японцев в Пизе после отъезда из Рима.

Реляции о японском посольстве публиковались в те годы в десятках городов разных европейских стран. Не замедлили появиться и издания на других языках – переводы выпусков с итальянского или с латыни¹⁷. Из множества этих выпусков особо отметим один: “Iapaniorvm Regvm Legatio, Romae coram summo Pontifice, Gregorio XIII. 23. Martij, habita: anno 1585. Addita etiam est breuis in calce descripto Insulae Iaponicae”. Он воспроизводит текст «Acta Consistorii», к которому добавлены кое-какие сведения о Японии (менее одной страницы текста), заимствованные из «Краткого описания Японских островов» А. Ортелиуса (“Brevis Descriptio Insulae Iaponicae”¹⁸). Этот выпуск нам особенно интересен местом публикации: одновременно с Римом его напечатали еще в Бононии (т. е. Болонье), и – что примечательно – вне Италии, в Кракове, тогдашней столице Королевства Польского. Выходные данные выпуска гласят: “Romae, apud Franciscum Zannetum, Et Bononiae, apud Alexandrum Venatium, Et Cracoviae, in Officina Lazari, Anno Domini, 1585”. “Officina Lazari” – одно из старейших польских издательств, располагавшееся в Кракове. Еще одно издание на территории Речи Посполитой вышло в Вильно, где часть, касающаяся

японцев, также представляет собой воспроизведение «Acta Consistorii»¹⁹. Можно считать, таким образом, что в Польше о приезде послов из неведомой Японии узнали практически одновременно со всей Европой.

Сверхактивная деятельность по изданию оперативных информационных выпусков, украшенных гравюрами и имевших, как мы видели, широкое хождение по Европе, продолжалась вплоть до выхода в 1586 г. обширной книги Гвидо Гвалтьери «Реляции о прибытии японских послов в Рим вплоть до их отплытия из Лиссабона»²⁰. Сочинение Гвалтьери вобрало в себя всю массу сведений о путешествии и пребывании японцев в Европе – вплоть до их отплытия назад в апреле 1586 г. Последующие европейские издания на эту тему в большинстве своем представляли собой переводы «Реляции» или как-то соотносились с ней. Напомню, что именно в экземпляр книги Гвалтьери и была вложена бумажка с записью по-польски, давшая начало моим поискам.

Российские читатели о японском посольстве в Рим узнали в XVIII веке также через переводы. Вот, например, фрагмент одного из них, рассказывающий об отношении папы к явившимся посланцам: «Сей двор употребил все свое великолепие для приятия их. Никогда входящий торжественник в Капитолию не являлся с толиким великолепием, с каковым явились Японские послы. Папа, обнимая их, плакал от нежности сердца»²¹.

Григорий XIII, надо думать, и в самом деле чувствовал себя вознагражденным за многолетние усилия. Период его пребывания на Святом Престоле последовал вскоре после Тридентского собора (1545-1563), на котором католические догмы получили свое нынешнее выражение.

Взойдя на папский престол в 1572 г., одной из главных своих задач Григорий XIII считал прозелитизм и строительство иезуитских коллегий и семинарий. Благодаря его поддержке были основаны или же продолжали функционировать следующие иезуитские учебные заведения (не считая тех, что находились в Риме): Английская коллегия в Донеи, Шотландская в Пон-а-Муссон, семинарии в Граце, Вене, Ольмюце, Праге, Колошваре, Аугсбурге, Милане и еще в пяти городах Европы, а также три иезуитские школы в Японии.

Всего Григорий XIII, за время своего понтификата (1572-1585) учредил в Европе 23 григорианские семинарии, прикрепленные к Коллегиям; последние же, в свою очередь, содержались на средства папы. Миссионерство и прозелитизм при Григории XIII достигли значительного размаха: он, в частности, пытался склонить к католицизму и русского царя Ивана IV Грозного²².

Японские посланцы прибыли ко двору Григория в последние дни его жизни. Их приезд стал важной вехой, можно сказать, венцом его деятельности – недаром даже новейшая электронная “The Catholic Encyclopedia” утверждает, что «самым счастливым событием за время пребывания папы Григория на Святом Престоле был приезд четверых японских послов, прибывших в Рим 22 марта 1585 г., и <...> явившихся, чтобы выразить благодарность папе за отеческую заботу, поскольку это он направил в Японию миссионеров-иезуитов, открывших японцам учение Христа».

"Упомяну еще одно важное обстоятельство: среди святых мест, которые японские посланцы осматривали в Риме, было одно, произведшее на них сильнейшее впечатление и связанное с Польшей. Это была маленькая церковь Сант-Андреа аль Квиринале, шедевр выдающегося архитектора и скульптора Лоренцо Бернини, где в мраморной гробнице хранился прах Станислава Костки, польского дворянина, который сначала учился в Вене, потом, почувствовав духовное призвание, по собственному решению оставил Венский университет, перешел Альпы и Аппенины, добрался до Рима и стал одним из первых послушников иезуитского ордена. Через 10 месяцев после этого он скончался в возрасте 17 лет и 8 месяцев и был довольно скоро причислен к лику святых за его духовные подвиги, визионерство и пророческий дар.

Как рассказывает об этом Юки Рёго²³, молодые японские паломники увидели в примере Станислава Костки предназначения собственной судьбы. Вечером того же дня все четверо внезапно попросили об аудиенции у Клаудио Аквавивы, тогдашнего Генерала Ордена иезуитов, и объявили о своем желании остаться в Риме и принять послушничество. Похвалив их за это решение, Аквавива все же напомнил им, что их миссия еще не окончена, по завершении ее они должны вернуться в Японию, и если и тогда их решение не изменится, то им надлежит посоветоваться о дальнейших шагах со своим духовным отцом падре Валиньяно.

По крайней мере для одного из четверых, Накаура Джулиана, день посещения гробницы Станислава Костки, как видно, определил всю его дальнейшую жизнь подвижника, завершившуюся гибелью за веру. Но и для

остальных троих, тоже пожелавших в тот день принять постриг по примеру Станислава Костки, образ их польского ровесника явно стал идеалом (кстати говоря, сам Костка когда-то мечтал проповедовать католицизм в Ост-Индии). Кто знает, может быть, это посещение гробницы предшествовало встрече с Мацеевским (или даже каким-нибудь образом связано с нею?), может быть, именно под влиянием этого посещения они немедленно взялись за исполнение просьбы епископа Мацеевского, соотечественника Костки?

Все путешествие до Европы и обратно заняло у японских посланцев восемь с половиной лет. Тем временем преемник Григория XIII папа Сикст V стал проводить решительные реформы, Рим украсился новой архитектурой, становясь все более барочной столицей, сила и авторитет папства росли с каждым днем. В Японии же происходили перемены в противоположном направлении – покровительствовавший миссионерам Ода Нобунага был осажден в своем доме воинами противников его режима и погиб всего через четыре месяца после отплытия японских юношей из Нагасаки, а ставший во главе Японии Тоётоми Хидэёси, напротив, открыл эру гонения на христиан. В 1587 г. он издал эдикт об изгнании всех христиан с территории страны, правда, сначала никто этому не внял. В 1596 г. по его приказу был конфискован испанский галеон «Сан Фелипе», а на следующий год 26 человек – японских христиан и иностранцев – подверглись по приказу Хидэёси мученической казни – все они были распяты.

Как весьма лаконично сообщает некий «аббат Милот», чье сочинение было переведено и опубликовано в России в конце XVIII в., «в 1585 г. <...> Римская церковь и Езуиты торжествовали. Между тем император Японской, около сего времени, беспокоясь о приращениях христианския веры и боясь, чтобы христиане не причинили им возмущения в государстве, или некоторого нападения от чужестранцов, запретил под смертной казнию отправление веры сея»²⁴. Собственно говоря, в России об ужасах гонений на христиан в Японии впервые узнали еще раньше, в 1734 г., когда в Петербурге был сделан перевод-компиляция «Описание о Японе»²⁵, содержащий рассказ о Японии и ее нравах и обычаях, а также повествующий о трагической участи японских христиан и их пастырей-европейцев.

Судьбы молодых японских посланцев, благополучно добравшихся домой, но по прошествии некоторого времени, подобно Урасима Таро (японский Рип ван Викль), обнаруживших, что попали словно в другую страну, известны не очень подробно. Один из них, ставший священником, принял мученическую казнь за приверженность христианской вере – это был тот самый Накура Джулиан, который, согласно хроникам, по дороге в Рим заболел и когда он, мучимый лихорадкой и жаром, предстал перед папой Григорием XIII, папа обнял его и проявил такую отеческую заботу и тревогу о здоровье юноши, что тот был потрясен до слез. Известно, что через несколько дней, всего за несколько часов до смерти папа справлялся о его здоровье.

Епископ Бернард Мацеевский в Ватикане и в Речи Посполитой

Итак, в какой-то из дней весны-лета 1585 г., когда четверо японских юношей в сопровождении Валиньяно и взрослых спутников-японцев находились в Риме, с ними встретился живший в то время в Риме посланник польского короля Бернард Мацеевский. И не только встретился, но и попросил их написать для него по-японски образцы переводов из Библии.

Кто же такой был Бернард Мацеевский?

Скажем сразу, что человек он был незаурядный, он оставил по себе память в самых разных областях культуры Европы, не говоря уже о Польше как таковой.

Бернард Мацеевский²⁶ родился в 1548 г. в восточной части Польши, в городе Люблине, имеющем давнюю историю: здесь находилась одна из древнейших в тех краях католических церквей, относящаяся еще к 986 г., королевский же замок в Люблине датируется 1115 г. В 1241 г. город был разрушен монголами.

Род Мацеевских был и знатным, и богатым, из него вышло несколько ярких людей, сыгравших видную роль в истории Польши. Отец Бернарда Мацеевского, к концу жизни бывший кастеляном Люблинского замка, тоже Бернард, умер в 1551 г., и герой моего повествования воспитывался в доме дяди – Станислава Мацеевского. Еще один его дядя – Самуэль – был известным церковным деятелем, епископом краковским. Бернард Мацеевский получил незаурядное домашнее образование – одним из его

наставников был Бенедикт Хербест (1531-1593, в русских, украинских и белорусских исторических исследованиях его фамилия пишется как Гербест²⁷), иезуит, филолог, известный педагог, реформировавший систему среднего образования в стране, впоследствии ректор ярославской иезуитской коллегии в Галиции и теоретик объединения греческой и католической церковей.

Однако дядя Станислав тоже умер в 1551 г., и тогда мать Бернарда (видимо, это была Эльжбета из рода Каменецких), одно время служившая при дворе Анны Ягеллонской, отправила его в Вену, где он обучался в иезуитской семинарии, а также был принят при дворе Фердинанда I и Максимилиана II. Видимо, около 1566 г. он вернулся в Польшу. В годы правления короля Сигизмунда-Августа (1548-1572 гг.) начал военную карьеру в ранге придворного хорунжего (1570). После смерти бездетного Сигизмунда монархия в Польше становится выборной, однако избранный сеймом король Генрих Валуа-Ангулемский, брат французского короля Карла XI, через год покинул Польшу, и на престол был избран венгерский военачальник Стефан Баторий. Мацеевский сблизился с молодым королем, принял участие в ряде кампаний Ливонской войны и даже выставил за свой счет вооруженный полк. Он участвовал в военных действиях с 1579 по 1581 г.

В этот период Мацеевский сблизился со знаменитыми католическими деятелями Петром Скаргой и Станиславом Хозием²⁸, под влиянием их проповедей оставил военное дело и свою должность бориславского старосты, которая ему была жалована за заслуги в 1579 г. Свои владения он

передал в дар иезуитской коллегии в Люблине²⁹ и принял духовенство, что вовсе не означало отстранения от политической жизни, скорее, наоборот, - давало возможность занять видное место в политических событиях эпохи.

В 1582 г. он по совету Антонио Поссевино³⁰ – папского легата в Московии – отправился в Италию, изучал там теологию, жил в Милане, потом в Падуе, в 1583 г. переехал в Перуджу, затем, с февраля 1584 г. занимался теологическими разысканиями в Collegium Romanum в Риме, где и был посвящен в духовный сан в 1585 г. Он вернулся в Польшу весной 1586 г., т.е. на следующий год после посещения Ватикана японскими послами.

После смерти Стефана Батория началась кампания по выборам нового польского короля. Мацеевский оказал поддержку Сигизмунду III Вазе, который, получив престол, весьма поспособствовал получению Мацеевским в 1588 г. сана епископа Луцкого и Брестского (выбор епархии был неслучаен: по некоторым данным, именно Мацеевский был инициатором создания миссии иезуитов в Луцке). На своем новом посту Мацеевский проявил себя не только приверженцем иезуитов, но и страстным реформатором: ради улучшения церковных дел он часто навещал подведомственные ему приходы и созывал епархиальные советы.

В 1591 г., оценив его заслуги, король пожелал поставить его епископом в Вильно, однако Мацеевский был тогда отвергнут местным капитулом, литовскими магнатами и дворянством, желавшим епископа-литовца, что было вовсе не удивительно в обстоятельствах религиозной борьбы и этно-культурных движений, которые

разворачивались на литовских землях в конце XVI – начале XVII вв³¹.

23 мая 1600 г. Мацеевский, выдвинутый папой, стал епископом Краковским. Тогда же он написал свое знаменитое «Послание пастыря» (*List pasterski*), ставшее первым пособием для польских католических священников. Вообще он автор многих богословских трудов³²; примечательно также, что именно ему предлагалось выступить от имени католической церкви на диспуте с константинопольским патриархом Иеремией в 1588 г., когда патриарх посещал некоторые земли в пределах Польско-Литовского государства. Расчет при этом был такой: «если патриарх будет побежден на диспуте, то это даст основание православным, сочувствующим делу унии, отделиться от восточной церкви, если же он уклонится от диспута, то это подорвет его авторитет в глазах православных и облегчит, разумеется, их переход в унию»³³. Диспут не состоялся, но выбор Мацеевского в качестве главного диспутанта говорит сам за себя.

Как и большинство епископов того времени, Бернард Мацеевский сочетал пастырские и политические функции, в частности, представлял польский престол в Риме, участвовал в сейме, посредничал в разных сложных политических ситуациях, закладывал семинарии и часовни и т.п. В 1603 г. он издал первый в Польше (ставший образцом для последующих эпох) «*Index librorum prohibitorum*», куда кроме книг, рекомендованных к запрещению Римом, включил еще и «*Index auctorum et librorum prohibitorum in Polonia editorum*». За заслуги в поддержании духа Тридентского собора в том же 1603 г. папа Климент VIII (1592-1605) назначил Мацеевского кардиналом с титулом *Sancti Ioannis ante Portam Latinam*. Вскоре

Мацеевский занял место чуть ли не высшего сановника в государстве. Во многом он соглашался с планами и политикой короля, однако время от времени выражал и свое несогласие, что, по-видимому, все чаще вызывало августейшее раздражение.

31 июля 1606 Мацеевский стал архиепископом Гнезненским (примасом польской церкви), заняв высшее положение в церковной иерархии страны. Правда, при этом он хотел сохранить за собой и краковское епископство, но это ему не удалось, и епископство пришлось передать, получив от преемника значительные отступные.

При нем в Кракове был построен собор Св. Иоанна Крестителя и Св. Иоанна Евангелиста, начато строительство первого в Польше монастыря Ордена камальдолийцев. В 1602 г. он основал в Кракове (на Вавеле) духовную семинарию. С его именем связаны и легенды о чудесах – так, он немало содействовал культу св. Кунигунды (Кинги); как сообщают источники, в 1603 г. он совершил паломничество к ее мощам, вследствие чего излечился от тяжелой болезни³⁴. Русскому читателю, вероятно, интересна была бы такая деталь его биографии: это именно он совершал обряд обручения Лжедмитрия (per proсига – в лице его представителя Власьева) с Мариной Мнишек³⁵, тем более, что Ежи (Юрий) Мнишек приходился ему близким родственником, а, стало быть, и с его дочерью Мариной он был в родстве. В то время папа Павел V писал королю Сигизмунду III, что он убежден в том, что Димитрий, принявший католическую веру еще до своего успеха, останется ей верным и со временем распространит ее на Руси. Кардиналу Мацеевскому папа

предписывал уговорить воеводу Мнишека всемерно укреплять в Самозванце приверженность католичеству.³⁶

Мацеевский умер 19 января 1608 г., будучи и папским нунцием, и легатом в Речи Посполитой, и кардиналом-пресвитером, не говоря уже о других его регалиях. Он похоронен в Кракове в костеле на Вавеле, рядом со знаменитым епископом Ежи (Юрием) Радзивиллом, Петром Скаргой и Станиславом Хозием. Пожалуй, его можно назвать одним из выдающимся польских церковных деятелей того времени – не даром и нынешний папа Иоанн Павел II во время своей поездки по Польше в 1999 г. упомянул его в своей проповеди³⁷ в числе священнослужителей, которые останутся не только в истории церкви, но и в польской истории, и в истории ее культуры.

Современные биографы Мацеевского пишут: «Он оставил память по себе прежде всего как деятель церкви, реформатора Костела Польского в духе постановлений Тридентского Собора, поборник Контрреформации. Он не сыграл особо значительной роли в политике. Недоброжелатели упрекали его – возможно, не без оснований – в амбициозности и корыстолюбии. В отличие от прочих влиятельных епископов первого десятилетия XVII в. он не принадлежал к числу приверженцев абсолютизма и пытался лавировать между королем, по отношению к которому соблюдал лояльность, и шляхтой»³⁸.

Надо сказать, что Мацеевский остался в памяти не только польской культуры – его имя с весьма неоднозначными оценками можно встретить и в российских, и в белорусских, и в украинских, и в литовских исследованиях³⁹. Причина – в главном деле его жизни, в организации так

называемой Брестской Унии. Как писал папа Климент VIII в своей булле от 23 декабря 1595 г., Мацеевскому принадлежит одна из главных заслуг в успехе этого предприятия. Мацеевский и в самом деле сделал чрезвычайно много для образования греко-католической, или так называемой Униатской церкви. Он стоял у самых истоков этого предприятия – так, еще в 1588 г., согласно указаниям папы, всего лишь несколько избранных им лиц начинают подготовку унии, и эти лица – «луцкий католический епископ Берnard Мацеевский, иезуит Скарга, папский нунций Аннибал, с православной стороны – Потей, потом Терлецкий и другие»⁴⁰.

Активная роль Мацеевского в подготовке унии отмечается во многих работах, и не только католические или светские, но даже и некоторые православные авторы отмечают, что он, как правило, придерживался в области политики умеренных взглядов и «всегда стремился достичь компромисса»⁴¹.

Таким, говоря вкратце, был человек, которому пришло в голову обратиться к одному из японских послов с просьбой написать для него перевод на японский язык нескольких стихов из Библии.

Получив выполненный перевод, Мацеевский, примерно через год или около того уезжая в Польшу, увез с собой этот документ, надо думать, вместе со многими другими вещами, книгами и рукописями, собранными им за годы жизни в Италии.

Находка документа

Рассказ о том, как, собственно, был обнаружен этот перевод, написанный скорописными иероглифами и латынью, тушью на красной бумаге (со временем выцветшей до желто-розового цвета), сам по себе тоже по-своему любопытен – как цепь редких совпадений и счастливых случайностей.

Итальянские источники, а также японские и польские материалы, позволили собрать сведения об основных персонажах нашей истории (часть этих материалов приведена выше), но ничего не прибавили к поискам утраченного документа.

Не больше пользы поначалу было и от Интернета. Впрочем, в какой-то момент, разглядывая в электронном каталоге Библиотеки Ягеллонского Университета в Кракове сканированные воспроизведения старых рукописных карточек с названиями книг Бернарда Мацеевского, я увидела там одну карточку, написанную почерком, как мне показалось, похожим по стилю на почерк записки, обнаруженной мной в японском музее. А вдруг ту записку о японском переводе и эти карточки писал один и тот же библиограф этого университета, лет, например, 100 назад?

Эта надежда побудила меня отправить запрос в дирекцию Библиотеки Ягеллонского Университета. Так началась моя переписка с отделом рукописей этой библиотеки, продолжавшаяся полтора года. Приведу некоторые выписки из полученных из Кракова писем:

19 мая 2000 г.

«< ... > Извещаю Вас, что в собраниях Ягеллонской Библиотеки нет

рукописи, содержащей перевод Священного Писания на японский язык. В нашей Библиотеке никогда не было книг и рукописей, переданных в дар от кардинала Бернарда Мацеевского. Может быть, мы могли бы Вам помочь, если бы Вы согласились указать источник Вашей информации. Зав. отделом рукописей Анна Козловска».

6 июня 2000 г.

«< ... > Ваше предположение относительно записки, найденной Вами в старой итальянской книге, удалось подтвердить. В инвентарной книге нашей Библиотеки за 1840 г. в разделе «Разное» на стр. 128-129 нашлась следующая запись: “Табличка серебряная, под стеклом лист красной бумаги, на котором на латыни и по-японски написаны два фрагмента из псалмов Давида. Табличка увенчана монограммой и гербом Бернарда Мацеевского. На обратной стороне высечена надпись: *Hanc Japponicus Regum A. D. MVLXXXV (sic) ad Greg[orium] XIII P. M. Oratorum adinstan[tiam] suam manu et charact[erae] Romae scriptam tabellam regius tunc ad S. Sed. Apo. Leg. Ill. Revm[us?]que DD. Bernardus Maciejowski Episc. Luceor. post in Acad. Cracov. Biblioth. sui erga illam magni amoris indicium ad memoriam posteritatis extar (sic) voluit A. D. MDIC*”⁴². Однако последняя по времени запись, подтверждающая, что табличка находилась в хранении нашей Библиотеки, относится к 25 июля 1906 г. После этой даты табличка в наших инвентарных списках уже не фигурирует. < ... > Очень жаль, что такая интересная и, вероятно, красивая вещь пропала, но, как Вы понимаете, от 1906 г. нас отделяют две войны. То есть времени прошло немало, и многое за это время случилось – *habent sua fata libelli*. Зав. отделом рукописей Анна

Козловска».

Я была рада и этому. Запись в инвентарной книге середины XIX века подтверждала мои предположения о факте встречи Мацеевского с японскими посланниками и даже давала некоторое представление об утраченном документе. Понятно было также, что теперь след его потерян, серебряная табличка или уже не существует или находится у неизвестного владельца, и найти ее практически нет шансов.

Со времени того письма прошло около полутора лет. И вдруг однажды утром я обнаружила в своей электронной почте послание из Ягеллонской Библиотеки, датированное 13 августа 2001 г., где говорилось: «< ... >Это я в мае и июне прошлого года производила поиски по Вашему запросу касательно серебряной таблички с фрагментом псалмов Давида в переводе на японский язык, полученной в дар от епископа Бернарда Мацеевского. В нынешнем же году, во время очередной инвентаризации нашего хранения мы обнаружили, что табличка более 400 лет спокойно лежала на месте в ожидании «своего открывателя». Если Вы все еще интересуетесь этой проблемой, Библиотека выполнит для Вас и пришлет цветные фотографии данного объекта. Однако это возможно будет осуществить только после необходимых работ, связанных с очисткой объекта. Д-р Люцина Новак, заведующий отделом рукописей Ягеллонской Библиотеки».

Такова вкратце история обнаружения этого перевода XVII в., фотографию которого, через два месяца после процитированного выше послания, я получила вместе с официальным письмом от заместителя директора

Ягеллонской Библиотеки доктора Здзислава Петшика. **Илл. 1-2** Фотография публикуется здесь же, размеры таблички, согласно данным доктора Новак, следующие: общая высота 19,5 см, высота прямоугольной части 13,5 см, ширина – 11,5 см. В верхней части рамки можно различить латинские буквы VM – вензель Бернарда Мацевского и изображение осла.

Латинский и японский тексты на этой табличке представляют начальные строки из двух псалмов Давида:

Псалом 92, 1:

Dominus regnavit, decorem indutus est, indutus est Dominus fortitudinem et praehinxit se.

(Господь царствует; Он облечен величием, облечен Господь могуществом [и] препоясан).

Псалом 116, 1-2

Laudate Dominum omnes gentes, laudate eum omnes populi; quoniam confirmata est super nos misericordia eius et ueritas domini manet in aeternum.

(Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена; ибо велика милость Его к нам, и истина Господня вовек).

Привожу японские переводы как можно более буквально:

Псалом 92

Господин Неба вершит владычество.

Псалом 116

Все люди должны восхвалять Бога, все люди.

Разумеется, встает вопрос о том, кем именно и по каким критериям были выбраны для перевода эти два псалма, но для точного ответа данных пока

явно не хватает. Скорее всего, латинский текст выбрал и написал Мацеевский, и передал японцам уже приготовленный для них лист красной бумаги с текстом. Это мое предположение основывается на том, что японские переводы соответствуют только первым словам гимнов, остальное явно попросту не поместилось. Если бы и латинский, и японский тексты писали японцы, они, вероятно, рассчитали бы место для обоих текстов.

Выбор псалмов, вероятно, тоже не случаен, хотя и здесь говорить можно лишь предположительно. Псалом 116 в католической литургии включен в утреннюю молитву Литургии Часов и в Часослове носит название «Призыв хвалить Бога за Его любовь». Это, во-первых, самый краткий псалом в Псалтири – вероятно, немаловажное достоинство применительно к размерам документа. Во-вторых, надо думать, Мацеевского привлекло и содержание псалма, поскольку в нем сказано: «хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена» – этот ярко выраженный «интернациональный аспект» мог показаться Мацеевскому как нельзя более подходящим к случаю.

Что же касается другого текста, то Псалом 92, «Хвалебная Песнь о величии Господнем – Хвалы Воскресенья 3-ей недели», который Литургия Часов предлагает для вечерних восхвалений понедельника третьей недели, – один из наиболее часто цитируемых и толкуемых в богословской литературе псалмов, его нередко соотносят с Христом. О нем говорили и Ориген, и св. Августин, и св. Григорий Назианзин. Есть, конечно, соблазн попытаться связать по времени чтение этого псалма в литургии и дату встречи Мацеевского с японцами, однако прямых указаний на эту связь,

разумеется, нет.

Следующий вопрос – чья именно рука взяла кисть, чтобы написать эти каллиграфические строки. Здесь с большой степенью вероятности можно утверждать, что японскую часть начертал Накаура Джулиан. Дело в том, что от периода пребывания посольства в Японии уцелел один текст, который до сих пор хранится в Ватикане: по пути обратно, 28 июня 1585 г. японцы прибыли в Венецию, в тот же день были приняты венецианским дожем и обменялись подарками с ним, а 6 июля, перед тем, как выехать в Падую, передали дожу благодарственное письмо от имени японской миссии – написанное по-японски, с помещенным слева итальянским переводом⁴³. Очень похоже на то, что этот текст письма дожу, написанный, как предполагается, рукой Накаура, и отысканный в Кракове перевод Псалмов написаны одним и тем же почерком, - хотя, разумеется, наверняка об этом может судить лишь эксперт в соответствующей области.

Остается также неизвестным, в какой именно из дней марта-июня 1585 г. произошла встреча Мацеевского с японскими посланцами, поэтому трудно судить, предпринял ли он специальное посещение резиденции японских юношей или более или менее случайно встретился с ними в Ватикане.

Еще один любопытный и не вполне ясный момент – вопрос о том, каким образом в книге Гвалтьери оказалась та памятка, с которой началась вся эта история. Можно предположить, что сама книга, ныне хранящаяся в японском музее, тоже была привезена некогда Мацеевским из Италии и вместе с табличкой стала частью его дара Ягеллонскому университету (тогда Краковской Академии наук). Когда именно эта книга попала в

Японию, к токийскому букинисту, и какова была история ее предшествующих скитаний – неведомо. Надо сказать, что итальянские издания XVI в., рассказывающие о японской миссии эры Тэнсё, довольно давно являются объектом интереса крупных японских библиотек и букинистов – так, раньше я уже упоминала один из выпусков *cinquecento*, информирующих о прибытии японской миссии в Рим и содержащих краткое описание Японии: «*Iaponiorvm Regvm Legatio, Romae coram summo Pontifice, Gregorio XIII. 23. Martij habita: Anno: 1585. Addita etiam est breuis in calce descriptio Insulae Iaponicae. Romae, apud Franciscum Zannetum, Et Bononiae, apud Alexandrum Venatium, Et Cracoviae, in Officina Lazari, Anno Domini: 1585*». Один из экземпляров этого редкого издания хранится в настоящее время в Библиотеке Японского парламента, причем на титульном листе отчетливо пропечатан экслибрис Института Оссолинского (один из старых польских институтов, основанный во Львове еще в 1817 г., а после окончания Второй мировой войны переведенный во Вроцлав, куда была перевезена и часть обширной коллекции книг, рукописей, карт и монет – другая часть осталась во Львове, отошедшем к Советскому Союзу). Под экслибрисом в картуше помещен старый штамп «*Wtórót*», то есть дубликат. Очень вероятно, что книга Гвалтьери подобным же образом имела в библиотеке Ягеллонского Университета в двух экземплярах, и в какой-то период один из них был выставлен на продажу, а записка о серебряной табличке так и осталась лежать в ней. Сама же серебряная табличка покрылась наслоениями пыли и потемнела настолько, что без той памятки библиографа невозможно стало понять ее происхождение и значение. Но

это, разумеется, только моя гипотеза.

В цитированной в самом начале статьи книге Луиса Фройса, где Япония описывается как страна «наоборот» по сравнению с Европой, есть раздел, где сопоставляются (вернее, противопоставляются) системы графики, манеры писать, читать, отправлять письма, пользоваться пером/кистью, чернилами/тушью и т.п. В частности, там говорится: «Мы пишем горизонтально, слева направо, а они – вертикально, справа налево». «Там, где в наших книгах кончается последняя страница, у них книга только начинается»⁴⁴.

Завершая статью, хотелось бы высказать пожелание, чтобы написанное здесь действительно оказалось началом, и найденный документ позволил бы разглядеть новые обстоятельства, лица и вещи, связанные с этой извилистой историческо-географической цепочкой событий.⁴⁵

¹ «Relazioni della venvta degli ambasciatori Giaponesi a Roma fino alla partita di Lisbona. In Roma. Per Francesco Zannetti. M.D.LXXXVI. Интересно, что в 1933 г. вышел японский перевод этой книги, сделанный Киносита Мокутаро, известным японским поэтом и писателем, который, побывав на островах Амакуса, увлекся историей первой японской миссии в Европу и трагической судьбой японских христиан и решил перевести эту книгу на японский язык.

² См., например, критическое издание его японской истории 1585 г.: *Luís Fróis. Historia de Japam / Edição anotada por José Wicki. [Lisboa], 1976-<1984 >.V. <1-5 >*.

³ Титул рукописи в оригинале «Tratado em que se contem muito susintae abreviadamente algumas contradicções e diferenças de costumes antre a gente de Europa e esta provincia de Japão» - «Трактат, в котором много рассказывается в кратком виде о некоторых расхождениях и различиях в обычаях между европейцами и обитателями Японского государства». Эта неожиданно обнаруженная рукопись, датированная 1585 г., вызвала большой интерес в Европе – см., например, ее французский перевод с предисловием К. Леви-Стросса: *Européens et Japonais: le traité sur les contradictions et différences de moeurs entre les deux peuples écrit en 1585 par le r.p. Luis Frois, preface*

de Claude Lévi-Strauss. P., 1998.

⁴ *Руису Фройсу*. Ёроппа бунка то нихон бунка. Окада Акио яку. Иванами бунко. Токио, 1999. Издание 17-ое. С.20, 87, 155, 49.

⁵ В этом рассказе падре Органтино прогуливаясь в роще, внезапно воочию видит перед собой сцену сокрытия богини солнца Аматаэрасу в «Каменной Пещере Неба» (знаменитый сюжет, зафиксированный в японских мифологических сводах) и обряды, совершаемые другими божествами, чтобы заставить ее выйти оттуда.

⁶ *Ермакова Л.М.* Описания Японии в старописьменной русской культуре XVII в. // *Acta Slavica Iaponica*. 2001.XVIII. S.197. Приведенная цитата – наше переложение на современном русском языке фрагмента рукописной книги «Козмография, сиречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменование степенем во округах небесных», факсимильное издание: Kosta P. Eine Russische Kosmographie aus dem 17. Jahrhundert. Sprachwissenschaftliche Analyse mit Textedition und Faksimile // *Specimina Philologiae Slavicae*. München, 1982. Band 40.

⁷ *Ермакова Л.М.* Ук. соч. С. 197. Цитируется в осовремененном виде по изданию рукописной книги: Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. Написана бысть сия книга, глаголемая география, сиречь земли описание, в 7178 лето в 4 дне иянуария месяца, в Холмогорах // *Временник Общества любителей древностей*. СПб., 1878-1881. С. XXI-LVII-LXVIII.

⁸ С того периода в японском языке осталось множество португальских слов и европейских обычаев, правда, и те, и другие во многих случаях японизировались, и подчас только историки отдают себе отчет в том, что эти слова или обыкновения сформировались под влиянием намбандзин, «южных варваров» (первоначально японцы, в подражание китайцам, называли так тайцев и филиппинцев, и это же слово пригодилось потом для обозначения португальцев и испанцев, пришедших в Японию с той же южной стороны. Один из примеров сегодняшнего дня - до сих пор рыба под маринадом называется в Японии «намбан-дзукэ», «маринад южных варваров», это более чем явный след португальско-испанского влияния. Более сложный, хотя и более спорный случай – обычай жарить рыбу и овощи во фритюре, то есть популярное японское блюдо под названием «темпура», по мнению ряда историков, восходит к португальскому слову *templo*, «молельня», «христианская церковь», таким образом указывая на источник заимствования кулинарной технологии.

⁹ Ода Нобунага (1534-1582) - полководец, принадлежавший к аристократическому роду Фудзивара. Ему удалось свергнуть сёгунат Асикага, покончить с раздробленностью страны и начать ее объединение под своей властью.

¹⁰ *Мараи Я.Н.* Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569-1795). Минск, 1971. С. 57.

¹¹ Нихон-но намбан бунка. (Культура «южных варваров» в Японии). Киото, Танкося, 1993. С.77.

¹² Описания их подготовки и самого путешествия представлены во множестве исследований. См., например, работу одного из наиболее авторитетных специалистов: *Мацуда Киити*. Ситан Тэнсё:

кэнъо: сисэцу. (Историческая сага. Миссия в Европу эры Тэнсё). Токио, 1977.

¹³ Даты даны по последнему изданию монографии Мацуда Киити: Тэнсё: кэнъо: сисэцу. (Миссия в Европу эры Тэнсё:). Ко:данся, Токио, 1999. С. 411-417.

¹⁴ *Мацуда Киити*. Op. cit. P.266-267.

¹⁵ *Boscaro A.* Sixteenth century European printed works on the first Japanese mission to Europe: a descriptive bibliography. Leiden, 1973.

¹⁶ Breue Relatione del Consistoro Pvblico, Dato a`gli Ambasciatori Giapponesi dalla buona memoria della Santità di Papa Greg. xiiij. in Roma, il di 23. di Marzo 1585. Con l'arriuato fatto in Pisa, & la riceuuta fattagli da S. A. S. per tutto il suo felicissimo Stato. Et di nuouo baciati li piedi alla Santità di Nostro Signore Papa SistoV. In Firenze, Dalle Scalee di Badia.1585. Con licensia de' Superiori.

¹⁷ См., например, французское издание: Actes exhibez publiquement au consistoire par nostre Saint pere Gregoire Pape XIII. aus Ambassadeurs des Roi du Japon à Rome, le XXIII. Mars 1585. Avec un petit recueil des Japponois, & de leur pais, mis en François par M. G. Thourin. Liège, 1585. Или же по-немецки: Warhafftiger Bericht/ Von den Newerfundnen Japponischen Inseln vnd Königreichen/ auch von anderen zuvor vnbekandten Indianischen Landen: Darinn der heilig Christlich Glaub wunderbarlich zunimpt vnd auffwächst. Neben dem allen erfindet sich in diser Edition gründliche anzeygung von der Japponischen Legation neuwlich gehn Rom ankommen <...> Durch Renvvardum Cysatum, Burgern zu Lucern <...>. Fribour, 1586.

¹⁸ Из знаменитого атласа А.Ортелиуса «Театр земного круга», изданного в Антверпене в 1570 г.: *Theatrum Orbis Terrarum*. [Editio princeps]. Auctoris aere & cura impressum absolutumque apud Aegid. Copenium Diesth, Antverpiae XX Maii M.D.LXX.

¹⁹ *Epistola de Legatorum Iaponicorum Orientalium aduentu ad Gregorium XIII. Pontificem Maximum, paucos dies antequam moreretur. Cvm Actis Consistorii publice exhibitu, die 23. Martij.1585.* <...> Excudebar Vilnae Ioannes Velicensis, Anno 1585.

²⁰ *Relazioni della venuta degli ambasciatori Giaponesi a Roma fino alla partita di Lisbona.* In Roma. Per Francesco Zannetti. M.D.LXXXVI (в том же году появилось и венецианское издание книги - *Venetia, 1586*).

²¹ Китайские, японские, сиамские, тонквинские и прочие анекдоты, в которых наипаче описываются нравы, поведения, обычаи и религии сих различных азийских народов. Перевод с французского. Т.2. М., 1791. С. 183.

²² Надо сказать, что в православной традиции Григорий XIII считается «главным виновником церковной смуты и соблазна» (см., например: *Архиепископ Феофан Полтавский и Переяславский. Краткие канонические суждения о летосчислении.* // *ВертоградЪИнформ. Православный журнал.* 1999, №6), поскольку это при нем был введен новый, так называемый григорианский календарь, принятый поныне во многих странах мира, но не принятый православной церковью. С точки

зрения православия, реформа календаря, проведенная Григорием XIII, есть «само неверие»: «если бы Римско-католическая Церковь имела эту веру, то она в лице папы и своих ученых пасхалистов не стала бы подвергать изменению канонические правила, положенные в основу нашей старостильной пасхалии, через которые Дух Святой выразил истину, не подлежащую изменению. Мы имеем в виду прежде всего 7-е Апостольское правило: "Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон святой день Пасхи прежде весенняго равноденствия с иудеями праздновати будет: да будет извержен из священнаго чина"» (Деяния совещания глав и представителей автокефальных православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Москва, 8-18 июля 1948 года. Стенографический отчет. "Храните старый стиль". Изд-во Почаевской Лавры, 2002).

²³ Юки Рёго (р. в 1922 г. в Испании) – католический священник-иезуит Диего Пачеко Лопес де Морла. С 1962 г. до нынешнего времени – директор Мемориала 26 христианских мучеников в Нагасаки, автор многочисленных работ по истории католичества, а также по истории христианства в Японии. В 1978 г. он принял японское подданство и имя. Данные о Костке приводятся на основании его публикаций – как книжных, так и электронных. См., в частности: <http://www.jesuits.or.jp/nakaura.htm>.

²⁴ О состоянии Азии и Новейших пременах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последние времена из Аббата Милота перевел с французского на русский язык Иван Иконников в СПб. 1784 года. С. 29.

²⁵ Описание о Японе, содержащее в себе три части, т.е.: известие о Японе и вине гонения на христиан; историю о гонении христиан в Японе и последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и нарядными фигурами украшено. В 3 ч. СПб, 1734.

²⁶ Фрагментарные сведения о Мацеевском можно найти в большом количестве изданий, посвященных истории Польши, а также истории католической церкви. Исследования же, посвященные ему одному, немногочисленны. Биография Бернарда Мацеевского, например, изложена в следующих источниках: *Dicianówna A. Kardynał Bernard Maciejowski, opiekun uczonych i literatów. // "Collectanea Theologica". 1934. R. 15. S.323-359; Biliński P. Bernard Maciejowski herbu Ciołek (1548-160) // Tygodnik Salwatorski. 1999. Archiwum, Biografie; Korytkowski J. Arcybiskupi Gnieźnieńscy, prymasowie i metropolici polscy. Poznań, 1869. T. III. S. 654-656; Nasiorowski S. "List pasterski" kard. Bernarda Maciejowskiego. Lublin, 1992 и др.*

²⁷ «„Апостолом Руси” української» его иронически именует М.С. Грушевский, историк и первый украинский президент (1918-1919) в своей фундаментальной «Истории Украины-Руси», том VI, раздел 5. Самая известная работа Б. Хербеста – сочинение на польском языке «Выводы веры костела римского» (1586 г.).

²⁸ Петр Скарга (1536-1612) – известный католический писатель, доктор философии, проповедник,

обладавший выдающимся даром красноречия, католический деятель. Стоял у истоков университетской науки в нынешних Литве и Беларуси, будучи первым ректором Академии в Вильне (Вильнюсе), а также первым ректором в Полоцке, когда в 1581 году Стефан Баторий основал Полоцкий иезуитский коллегийум. Наиболее известные его работы «Жития святых», а также трактат "О единстве церкви Божией" (полное название в переводе «О единстве Церкви Божией под единым пастырем и о греческом от одного единства отступлении, с предупреждением и увещанием русским народам, держащимся греков», напечатан в Вильнюсе в 1577 г), теоретик греко-католической церкви. Станислав Хозий (в русских текстах часто «Гозий») – католический деятель, родился в Вильно, некоторое время председательствовал на Тридентском соборе. Это благодаря ему в Вильно впервые появились иезуиты – около 1569 г., сразу после объединения Литвы с Польшей.

²⁹ *Sygański J.* Listy ks. Piotra Skargi z 1566-1610. Kraków, 1912. S.133-137. Цит. по: *Мараин Я.Н.* Ук. соч. С. 84

³⁰ Кстати говоря, Поссевино (1534-1611) был хорошо осведомлен о деятельности «блаженного Франциска Ксаверия», тактика которого в Индии и Японии была для него образцом, а о «способах введения в Московию католической религии» писал папе следующее: «Прежде всего, по-видимому, надо основать семинарию, что показало бы всему миру отеческую заботу Вашего Святейшества о русских. Возведению этого священнейшего здания помогли бы люди дела (без которых Господь не делает никогда ничего подобного)» - *Поссевино А.* Исторические сочинения о России. М., 1983. С. 36-37.

³¹ См., например: *Ochmański J.* Historia Litwy. Wrocław/Warszawa/Kraków, 1990. S.136-137. Лев Сапега (1557-1633), литовский канцлер, виленский воевода и великий гетман литовский писал в те времена королю Сигизмунду III, что для него вопрос стоит так: «или умереть, или добиться, чтобы епископом Вильнюса стал литовец». См., например: *Statkus N.* On Ethnicity of Magnates in the Grand Duchy of Lithuania (1434-1582) // *Artium Unitio. Sociologų ir humanitarų žurnalas.* Vilnius. 1999, №8. Примечательно, что сам Лев Сапега первоначально был православным, впоследствии воспринял идеи Реформации, а в конце жизни стал католиком. Был одним из организаторов Брестской унии 1596 года, объединившей на территории государства православную и католическую церкви при главенстве Папского престола.

³² В Библиотеке Ягеллонского Университета, среди полутора десятков изданий проповедей и речей Мацеевского, хранится такое, например, издание этого послания на латыни: «*Epistola Pastoralis, Bernardus Miserationes Divina, tit. S. Ioannis ante Portam Latinam I.R.E.Presbiter Cardinalis, Maciejowski nuncipatus, Archiepiscopus Gnesnensis, Legatus Natus Regni Poloniae, Primas et Primus Princepi etc.*», вышедшее в 1607 г. еще при жизни автора. В частности, под влиянием этого послания в польско-литовских землях значительно увеличилось число бесплатных больничных

приютов, о чем говорится, например, в статье Вайды Камюнтавичене: *Kamuntavičienė V. Parochial Hospices in the 2nd Half of the 17th Century in the Grand Duchy of Lithuania // LCAS (Lithuanian Catholic Academy of Science). Annuals. 1999. Vol. XVII.*

³³ *Беднов В.А.* Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002 (воспроизведение по изданию: Екатеринослав, 1908). С. 143.

³⁴ *Brożek G.* Przed kanonizacją bł. Kingi. W poczcie błogosławionych // Tarnowski gość niedzielny. 23.08.1998, numer 34/257.

³⁵ Обряд этого обручения описан в работах польских церковных историков и биографов, а также, например, в книге Н.И.Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»: «Во время обручения, 12 ноября, Власьев, представлявший лицо государя, удивил поляков своим простодушием и своими московскими приемами. Когда по обряду совершавший обручение кардинал Бернанд Мациевский спросил его: не давал ли царь прежде кому-нибудь обещания, посол отвечал: "А почему я знаю? Он мне не говорил этого". Все присутствующие рассмеялись, а Власьев как будто для большей потехи прибавил: "Коли б кому обещал, то меня бы сюда не прислал". Благоговение его к будущей своей государыне было так велико, что он не решился надеть, как следовало, обручальное кольцо и прикоснуться обнаженной рукой до руки Марины. После обручения был обед, а потом бал. "Марина, - говорит один из очевидцев, - была дивно хороша и прелестна в этот вечер в короне из драгоценных камней, расположенных в виде цветов"».

³⁶ *Войков Н.Н.* Церковь, Русь, и Рим. Минск, 2000. С.656.

³⁷ См., например, польскую версию проповеди, которую 15 июня 1999 г. огласил за папу в Кракове кардинал Махарский: «Kraków, 15 czerwca 1999 r. Homilia Jana Pawła II wygłoszona przez kard. Macharskiego».

³⁸ *Polski Słownik Biograficzny.* Wrocław/Warszawa/Kraków, 1974. Tom XIX. S.51.

³⁹ См., например, из наиболее новых исследований: *Шевцов Ю.В.* Дезинтеграция культурно-политического пространства Речи Посполитой в 1587-1592 гг. Минск, 1996. (Первое издание - Вильнюс, 1994).

⁴⁰ *Мараш Я.Н.* Ук. соч. С.83. Данные почерпнуты из: *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. Gentiumque Finitimarum/ Historiam Illustrantia/ Maximam Partem Nondum Edita ex Tabulariis Vaticanis/ Deprompta Collecta ac Serie Chronologica Disposita ab Augustino Theiner. 1585-1696. Reproductio phototypica editione 1860-1864. Osnabrück, 1969. T.2. P.21-22.*

⁴¹ Его умеренность признает, в частности, Митрополит Макарий: *Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский.* История русской церкви. М., 1996. Кн. 5. 6. (На основе издания 1857-1883 гг.). Об этом же пишет, например, и Б.Н.Флоря: *Флоря Б.Н.* Подготовка Брестской унии и политика духовной и светской власти Речи Посполитой // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVIII в. М.

1996. Ч. 1. С.175.

⁴² Привожу этот текст по-русски с благодарностью Е.А.Костюкович, переведшей для меня этот текст с латинского: «Сие есть скрижаль, собственноручно писанная римской грамотой послом от японского престола, в год 1585 при Григории Тринадцатом Великом Понтифике; впоследствии же Доктором Бернардом Мацеевским, епископом Луцким, некогда при Святом Апостольском престоле выполнявшим обязанность легата, переданная в Библиотеку Краковской Академии – в знак его великой милости и на память потомкам по его воле в год 1599».

⁴³ Воспроизведение этого благодарственного письма можно найти в самых разных японских источниках, в том числе и в упоминавшемся труде Мацуда Киити.

⁴⁴ *Руйсу Фройсу*. Ёроппа бунка то нихон бунка. Окада Акио яку. Иванами бунко. 17-е издание. Токио, 1999. С. 139-140.

⁴⁵ Автор пользуется случаем выразить благодарность своим коллегам Софье Мацукава, Накамура Ёсикадзу, Окамото Такао, Оса Сидзуэ, а также Хатакэяма Юсабуро за помощь на разных этапах работы.